

Духовная энергия бурлила в меридианах, когда дух меча в центре формации вновь обнажил клинок.

Янь Жунъи, уже прощавшийся с жизнью, почувствовал, как в груди закипает безудержная отвага. Залившись громким смехом, он рванулся навстречу:

— Давай!

Снежная крошка вокруг него вновь сгущалась в пышные лотосы. Вступив на лезвие своего меча, он устремился вперёд: с каждым шагом расцветали ледяные бутоны, а мощь его ауры взмывала к небесам, будто подкреплённая божественной силой.

Но каким бы яростным ни казался его порыв, против духа меча он оставался бессилен.

Янь Жунъи не успел подобраться ближе, как изо рта у него хлынула кровь, окрашивая белоснежные лепестки в алый цвет.

Понимая, что одолеть духа меча, созданного Учителем, немыслимо, он тяжело вздохнул, зажмурился и пустил духовную энергию по меридианам вспять!

— А-а-а!

Хотя он морально готовился к этому, когда левая рука взлетела на воздух, обратившись в кровавую морось, пронзительный крик сам вырвался из груди.

Однако скорость его полёта лишь возросла, а длинный меч в правой руке вспыхнул ослепительным сиянием.

Закусив губу до крови, Янь Жунъи пересиливал дикую боль, сжав зубы и продолжая разгонять обратный ток духовных жил.

Один за другим лопались кровеносные сосуды, а в дантяне пролегли микроскопические трещины. Едва сформировавшееся мечевое ядро забило в судорогах: не успев обзавестись истинным мечом, оно готово было разлететься впрах вместе с духовным центром.

Но и этого казалось мало.

Дух меча медленно занёс руку и с почти топорной, чуждой даже смертным неуклюжестью нанёс сокрушительный удар. Снежная лавина взметнулась на дыбы; сугробы в человеческий рост разорвало порывом мечевой ци, обнажив многовековую вечную мерзлоту.

Янь Жунъи извернулся, выжимая из себя всё до последней капли, чтобы уклониться. Но опоздал на какую-то долю мгновения — остаточная волна клинка начисто срезала обе ноги.

В его глазах вспыхнул последний, гаснущий отблеск жизни. Затолкнув вопль глубоко в глотку, он обратился алой вспышкой и взмыл к небу.

Он знал: достаточно пробить хотя бы одну брешь в формации, и у сестры Бай Лю появится шанс выжить.

Взор застлала мутная пелена; повинувшись лишь угасающему чутью, он мчался к самому слабому узлу мечевого намерения.

Почти у цели.

Ещё немного!

Безумный восторг охватил душу. Единственная целая рука мелкой дрожью отозвалась на запредельное напряжение, а духовные силы внутри закружились с невероятной скоростью.

Глухой разрыв прозвучал из его дантяня. Предел был достигнут.

Фигура Янь Жунъи застыла в воздухе. По коже высыпала кровавая роса, а тело от адской муки изогнулось под противоестественным углом.

«Учитель...»

На краю гибели из уголка его глаза выкатилась алая слеза.

И в тот же миг формация с оглушительным треском рухнула. Мелкие крошки, подобно звёздному дождю, обрушились водопадом вокруг него.

Янь Жунъи стремительно падал вниз, и край затухающего зрения уловил до боли знакомый силуэт, рассекающий морозный воздух.

— Жунъи! — Линь Цзюшэнь подхватил искалеченное тело ученика — без левой руки, с оторванными по бедра ногами, — его глаза были готовы лопнуть от ярости и боли.

В равнодушных зрачках Почтенного Чэнъина, где вечно мели метели, застыла полная растерянность.

Исцелить сорванные конечности для него не составляло труда. Одно мгновение — и рука с

ногами Янь Жунъи возродилась без единого шрама. Однако, даже когда юноша целым и невредимым прижался к его груди, сильнейший мечник Поднебесной замер, словно парализованный.

В мире говорили, будто Линь Цзюшэнь следовал не просто Пути меча, а Пути Бесстрастия. Он взял Янь Жунъи в ученики по сиюминутному капризу: переполошив все великие секты, бросил парню фолиант с техникой, пробормотал пару вводных фраз — и с тех пор ни разу толком им не занимался.

Всё их общение держалось исключительно на усердии Янь Жунъи. Почтенному Чэнъину было попросту лень снисходить до мелочей, из-за чего у окружающих и возникло ложное ощущение, будто он безмерно потакает своему воспитаннику.

Но кто знал, в какой момент этот ученик перестал быть для него пустым местом?

Уходя в медитацию, Линь Цзюшэнь невольно ловил себя на мысли: чем занимается Жунъи? Постигая Дао, гадал: так же ли усердно тот машет мечом?

Он полагал, что это обычное проявление учительского участия, пока не появился Ло Юй... Только тогда он с ужасом осознал: пусть оба считались его учениками, между Жунъи и Ло Юем пролежала пропасть.

Тогда Линь Цзюшэнь снова закрылся в пещере, погружившись в мучительные раздумья, и совсем забыл, насколько смертоносны восемьдесят одна мечевая формация у его порога.

Он заложил их ещё при основании Школы Гор Фушань, сотни лет назад. Любой адепт бежал от этого места как от чумы, и сам Почтенный Чэнъин не допускал мысли, будто найдётся безумец, способный сунуться туда.

И вот, прямо во время уединения, он ощутил, как духовный страж затрепетал перед гибелью, а древний барьер рухнул в мгновение ока. Выйдя наружу, он обнаружил, что виновником катастрофы стал его собственный ученик.

И тогда в мёртвом, застывшем сердце Почтенного Чэнъина забурлило непонятное, дикое чувство.

Сжимая в руках Янь Жунъи, он осознал: это — страх.

Он боялся, что Жунъи покалечится. Но ещё больше ужасался мысли, что тот может сгинуть навсегда.

— Учитель?.. — Янь Жунъи слегка шевельнулся в его объятиях.

Линь Цзюшэнь вздрогнул, мгновенно сбросив с себя оцепенение, и разжал руки, отчего юноша шлёпнулся на снег.

Янь Жунъи даже не обиделся. Отряхнув штаны, он поднялся, размял свежавыросшие конечности и, ничуть не испугавшись недавней близости смерти, мысленно похвалил себя: план с самоподрывом сработал идеальным образом!

Видите? Почтенный Чэнъин собственной персоной явился!

Прихрамывая, Янь Жунъи подбежал к валявшимся доспехам и весело окликнул Бай Лю, ещё удерживавшую остатки сознания:

— Ну что, видишь? Твой брат Янь тебя не обманул!

У Бай Лю снова брызнули слёзы, но на этот раз — сквозь счастливую улыбку.

Потрепав её по девичьей макушке, он взвалил девушку на спину и засеменил обратно к мастеру.

— Учитель, умоляю, спасите сестру Бай Лю!

Следы недавнего испуга в глубине глаз Почтенного Чэнъина уже сменились прежним ледяным отчуждением.

— Ты сокрушил формацию и подорвал собственный дантянь только ради неё?

Янь Жунъи кивнул и с недоумением пояснил:

— Сестра Бай Лю... она ведь родная сестра брата Бай Шуана.

Он решил, что мастер попросту не узнал девушку, поэтому намеренно сделал упор на её родовое имя.

Кто ж мог знать, что, услышав это, Почтенный Чэнъин резко развернётся и пошагает прочь!

Янь Жунъи с трудом потащился следом, стеная под тяжестью Бай Лю. Впрочем, он понимал: мастер не пытался бросить его всерьёз. С его-то невероятным могуществом он мог мгновенно испариться, к чему было печатать шаги по сугробам?

— Учитель, взгляните, как она несчастна! Её до сих пор кровью рвёт!

— Учитель, если вы не спасете её, брат Бай Шуан снова станет надо мной измываться!

— Учитель! Учитель, ну Учитель же...

Почтенный Чэнъин резко замер на месте, повернулся и железной хваткой сжал запястье ученика:

— Ты хоть понимаешь, что мгновение назад был на волосок от того, чтобы разорваться на куски?!

Янь Жунъи обомлел. Наткнувшись на этот ледяной порыв, он пошатнулся и ткнулся лицом в холодную грудь наставника. Встретившись взглядом с янтарными глазами, он замер, забыв обо всём на свете и тоня в бездонном морозном омуте.

Почтенный Чэнъин сурово взирал на него до тех пор, пока юноша смущённо не отвёл взор. Лишь тогда он сжал пальцы в печати и призвал два длинных меча.

Янь Жунъи сразу узнал их.

Меч Гибискуса и Меч Изгиба Брови.

Их знал не только он — любой адепт Школы Гор Фушань опознал бы это оружие. Почтенный Чэнъин выковал их специально как духовные мечи для своих будущих преемников.

И пусть наставник не произнёс этого вслух, разве всё и без того не было очевидно?

— Учитель? — Янь Жунъи рад был замять опасную тему и тут же спросил: — К чему это?

— Выбирай, — чеканя слова, отрезал тот.

Янь Жунъи заколебался:

— Но как же сестра Бай Лю...

— Выбирай!

Юноша вздрогнул от повелительного тона и послушно указал на Меч Изгиба Брови.

Не проронив ни слова, Почтенный Чэнъин одним резким движением вогнал клинок прямо в дантянь Бай Лю.

Янь Жунъи обомлел.

Он едва успел подхватить искажённую от боли, падающую девушку:

— Учитель, что вы делаете?! У Бай Лю... у неё ведь даже нет мечевого ядра!

— Не разрушив старое, не построишь новое, — ровным, ледяным тоном отозвался Почтенный Чэнъин. — Её раны затронули самую суть духовного основания. Лучше рискнуть всем: переплавить кости, сформировать мечевое ядро и разом подчинить Меч Изгиба Брови. Справится — её сила взлетит на новую высоту. Не справится — что ж, даже если я исцелю её телесные недуги, выше нынешнего уровня ей всё равно не подняться.

— Но...

— Брат Янь, — Бай Лю внезапно сжала его рукав и изо всех сил качнула головой. А затем, преодолевая муку, с трудом опустилась на колени и отвесила Почтенному Чэнъину глубокий поклон: — Благодарю Учителя за дарованное благословение!

Приручить Меч Изгиба Брови подстерегала смертельная опасность, однако такой шанс выпадал лишь раз в жизни.

— Останешься в моей обители и будешь медитировать, — глаз Почтенного Чэнъина блеснул, и он строго воззрился на праздно стоявшего неподалёку Янь Жунъи: — А ты — за мной!

Потирая нос, Янь Жунъи понял: сейчас с него спросят за разгромленную формацию. Покорно поджав хвост, он подобрался ближе:

— Учитель... время-то уже позднее, может, мне пора к себе?

— Куда это «к себе»? — Почтенный Чэнъин заложил руки за спину и направился в глубь пещеры; полы его тёмного одеяния колыхались, точно густой туман. — Вернёшься сейчас — не боишься снова столкнуться с Бай Шуаном?

Янь Жунъи прикусил язык. Он и не думал, что недавняя уловка с плачем о байшуановой тирании обернётся против него самого. На душе стало досадно — сам же застрял в собственной ловушке.

Молча помявшись, он проследовал за наставником.

На сердце у Почтенного Чэнъина тоже кошки скребли. Едва они добрались до дальнего грота, он развернулся и сурово рябнул:

— Всё ещё не признаёшь вины?!

Янь Жунъи по привычке опустился на одно колено и глухо буркнул:

— Учитель...

— Считаешь, что ни в чём не виноват? — за долгие годы они изучили друг друга до мелочей, и Почтенный Чэнъин без труда уловил в его голосе упрямство, отчего вспыхнул ещё сильнее: — А ну-ка, попробуй направить духовные силы по жилам!

«Да пожалуйста, попробую!»

Закусив губу, Янь Жунъи попытался шевельнуть духовную энергию в дантяне, но не успела она достигнуть меридианов, как в глазах потемнело от адской боли. Не удержавшись, он вцепился мёртвой хваткой в бедро наставника.

Почтенный Чэнъин аж горько усмехнулся:

— Что, храбрец, каково?! Сходи-ка, спаси ещё кого-нибудь! Да будь тут хоть восемьсот восемьдесят одна формация, ты бы и туда пошёл!

— Вовсе нет... — виновато пробормотал Янь Жунъи.

— «Вовсе нет»? — Увидев, как из уголка его губ снова сочится алая струйка, Почтенный Чэнъин сокрушённо вздохнул: — Жунъи, сколько лет мы знаем друг друга... А теперь мне кажется, будто это ты, а не я, идёшь Путём Бесстрастия!

Янь Жунъи вздрогнул и смущённо отвёл взгляд.

Он не следовал Пути Бесстрастия, но и впрямь не ведал истинных чувств. Ведь он не принадлежал этому миру, а потому... ни во что не ставил собственную жизнь и не ведал страха.

— Что, попал в точку? — Почтенный Чэнъин долго вглядывался в крохотную родинку у уголка его глаза. В душе поднимался целый ураган странных, необъяснимых чувств. Желание коснуться ладонью этой щеки было сильным как никогда, но, чтобы не совершить безумства, мечник просто зажмурился и сокрушённо пробормотал: — Забудь... Сколько бы я ни говорил, если ты твёрдо решил сгинуть, мои слова тебе не указ.

Уловив слабинку в его тоне, Янь Жунъи ещё крепче обхватил ноги наставника:

— Ну что вы, Учитель! Я же знал, что вы не оставите меня, потому и решился подорвать

дантянь! Смотрите, я жив-здоров и уже всю каюсь пред вами!

От такой дерзкой софистики Почтенный Чэнъин едва не лишился дара речи:

— Никакого почтения к старшим! И кто только выстирал из тебя всю покорность?!

Янь Жунъи расплылся в лукавой улыбке и снизу вверх взглянул на него:

— Так вы же, Учитель!

Почтенный Чэнъин: «...»

Совершенно не ведая, как с ним сладить, Почтенный Чэнъин со вздохом сбросил на пол Меч Гибискуса — бесценное сокровище, о котором грезил любой ученик Школы Гор Фушань, — и недвусмысленно заметил:

— Разве одна Бай Лю пострадала в этой заварухе?

— Премного благодарен, Учитель! — Янь Жунъи мгновенно подхватил клинок, бережно смахнул с него пылинки и со счастливой рожей отвесил поклон. Но тут же сокрушённо вздохнул: — Учитель, раз уж вы отдаёте Меч Гибискуса мне, то как же быть младшему брату Ло Юю?

Стоявший к нему спиной Почтенный Чэнъин слегка нахмурился. Ему потребовалось время, чтобы вообще вспомнить, кто это такой.

— Выкую другой, — безразлично отозвался мечник.

Незначительный ученик не стоил того, чтобы забивать им голову.

Его волновал только один человек.

— Запомни: переплавь Меч Гибискуса и упрячь в мечевое ядро. Но не смей делать его своим настоящим истинным мечом.

— Почему?

— Это всего лишь Меч Гибискуса. Я выкую для тебя куда более совершенное оружие. — Почтенный Чэнъин повернулся. Увидев, что Янь Жунъи кротко стоит перед ним на коленях, он ощутил умиротворение, и лёд на его лице окончательно растаял. Он даже протянул руку и ласково смахнул остатки крови с его губ: — Для меня... ты достоин только лучшего.

На следующее утро, проснувшись, Ло Юй рассчитывал застать убитого горем Бай Шуана, потерявшего сестру. Вместо этого его взору предстала сияющая от счастья родня Бай, а рядом с ними — Старший брат Школы Гор Фушань, который с Мечом Гибискуса в руках семенил за Почтенным Чэнъином, непрерывно осыпая наставника заботливыми расспросами.

Заметив Меч Гибискуса, Ло Юй мысленно сменил гнев на милость. Раз уж Меч Гибискуса достался Янь Жунъи, стало быть, Меч Изгиба Брови...

— Брат Ло Юй, простите, — Бай Лю слегка нахмурила изящные брови и отвесила поклон. — Минувшей ночью Учитель, дабы спасти мне жизнь, пожаловал Меч Изгиба Брови мне.

Тёплая, кроткая улыбка на лице Ло Юя от этих слов навеки окаменела.

<http://bllate.org/book/20430/2132610>